

РОССИЯНЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ В XVIII в.: СЛУЧАЙ И СУДЬБА*

Аннотация. Статья К.А. Мазина посвящена проблеме зарождения в XVIII в. интереснейшего социально-культурного феномена – русского зарубежья. Причем исследуются факты не мотивируемого длительного пребывания за границей, связанного с получением образования, лечением на курортах, путешествиями с культурно-познавательными целями и т.п., а случаи, когда наши соотечественники попадали за рубеж вследствие прерывности судьбы.

Ключевые слова: Российская империя, эмиграция, русское Зарубежье, Восточная Пруссия, Северная Америка, Африка.

XVIII в. стал временем возникновения довольно значительных эмиграционных потоков из России. К ним относится эмиграция казаков-некрасовцев, запорожских казаков, старообрядцев, калмыков после ликвидации Калмыцкого ханства, а также крымских татар и ногайцев в связи с вхождением Крыма в состав Российской державы. Данные факты имеют свои четко сформулированные причины, но были ситуации, когда за границу империи ее подданных выбрасывали совсем не планируемые обстоятельства, а просто случай и судьба.

К таким «эмигрантам поневоле» можно отнести, например, А.А. Винуса. Сын знаменитого мануфактурщика, А.Д. Винуса, он с 1701 г. управлял Артиллерийским приказом, но в 1703 г. разжалован за медлительность, а в 1706 г. даже обвинен в хищениях. За такие преступления в Петровскую эпоху карали безжалостно, и Винус бежал от царского гнева в Голландию. Только через два года, в 1708 г., Петр I простил, видимо, не так уж и провинившегося подданного, что позволило ему вернуться на родину [7, т.1, 389].

В похожую ситуацию попал и А.П. Веселовский. Выпускник московской гимназии Э. Глюка, он с молодых лет подвизался на дипломатической службе, сопровождая в 1705-1708 гг. бар.Г. Гюйсена и кн. Б.И. Куракина. Но знание дипломатических тайн, а главное – желание использовать их для пополнения собственного бюджета, и подвело дипломата. Вероятно, он стал продавать рос-

сийские секреты Австрии. В 1719 г., разоблаченный, Веселовский скрылся. Понимая, что путь в Россию ему заказан, он пытался в 1724 г. получить подданство в Англии, но его прошение было отклонено парламентом. С 30-х гг. XVIII в. эмигрант проживал в Женеве, где и окончил свои дни [7, т.1, 376].

М.А. Голицын в 1715 г. тайно обвенчался с итальянкой и перешел в католичество, что считалось в тогдашней России уголовным преступлением. В царствование Анны Ивановны он был вызван на родину и за свой проступок подвергся унижительной опале – его сделали придворным шутком с позорной кличкой «хан самоедский». В 1740 г. Голицына женили на шутихе А.И. Бужениновой, вместе с которой он стал центральным персонажем свадьбы в «ледяном доме», безобразном мероприятии сумасбродной императрицы [7, т.1, 579].

Вообще над фамилией Голицыных в плане перехода в католичество тяготел какой-то рок. Еще один представитель этого рода вынужден был сменить веру, правда, при совершенно иных обстоятельствах. Это был сын российского посла в Голландии кн. Д. Голицына и Адель Амалии фон Шметан, Дмитрий, или, как его впоследствии стали называть на иностранный манер, Деметриус Галлицын. Когда узы брака ослабели и родители расстались, мать вернулась в Австрию и в 1786 г. убедил сына перейти в католичество. Иначе невозможна была бы военная карьера Деметриуса, так как австрийская армия не признавала другого вероисповедания. Став офицером, Галлицын в 1791 г. попал в США в составе делегации военных советников. Вскоре он оставил службу и поступил в Балтиморскую семинарию Св.Марии. В 1796 г., после ее окончания потомок русского княжеского рода первым на Американском континенте был рукоположен в сан католического священника. Затем ему удалось получить отцовское наследство из России. В 1799 г. отец Деметриус основал для католиков поселение в Западной Вирджинии, которое постепенно стало городом Лоретто. Богатый миссионер, он скупал на свои деньги земли в округе и по дешевке сдавал их в аренду своим собратьям по вере [12, 188].

Деметриус Галлицын был далеко не первым российским подданным, кто попал

* © Мазин К.А.

на берега Северной Америки. Автор исследования «Русские в истории Америки», В.П. Петров упоминает в своей книге о невнятных слухах о проникновении русских на Аляску в XVI и XVII вв., но эта гипотеза очень проблематична. Более внятна другая версия: 18 июля 1741 г. с корабля Чирикова «Св.Петр» пропала команда в 11 человек во главе со штурманом Авраамом Дементьевым [8, 17]. Есть косвенные данные о том, что они выжили и основали селение на Аляске [8, 23]. Но, из-за отсутствия прямых доказательств – это тоже только гипотеза.

А вот об участии российских подданных в войне за независимость США документы сохранились. До нас дошло шесть имен, хотя список, по мнению того же Петрова, далеко не полный [8, 213]. Среди участников американских событий мы видим эстляндского дворянина Вертера фон Розенталя. Он попал в Америку в 22 года и в 1775 г. добровольно вступил в армию Вашингтона, где дослужился до майора, являясь адъютантом Д. Джексона. За свои воинские заслуги Розенталь был удостоен ордена Цинцинати. После войны он вернулся на родину [8, 218].

В этом же списке бывший офицер русской армии Рубенай, как сказано в документах – «балтиец» по происхождению [8, 214]; русский путешественник, некто Корзухин [8, 218]; Карл Кист (или Чарльз Тиле, или Карл Тиль), аптекарь из Петербурга. Последний поставлял лекарства в армию Вашингтона, преуспел в этом предприятии и после войны купил издательское дело [8, 217].

Были бывшие российские подданные и на противоположной стороне – это ювелир из Ревеля З.И. Бохус. В России он выполнял алмазные работы на платьях Екатерины II и графов Орловых, но, видимо, проворовался и был вынужден бежать в Англию, откуда, и попал в армию роялистов.

И последним в нашем списке числится уже знакомый нам, бывший парижский студент, Ф.В. Каржавин, который провел в этой части света пять с половиной лет [8, 133]. В начале 1773 г. Каржавин воспользовался предложением П.А. Демидова сопровождать его внука, Кирилла Станиславского, в Амстердам к профессору Лейденского университета Аллеману, лекции которого привлекали молодежь 70-х гг. XVIII в., в том числе и русскую.

16 июля 1773 г. Каржавин отплыл из Кронштадта и 13 августа был уже в Амстердаме. Здесь он «исправил» возложенную на него Демидовым «комиссию» и получил от

его доверенного 6 тыс. гульденов вознаграждения. Затем Каржавин два месяца путешествовал по Голландии, познакомился, в числе прочего, и с Саардамом, где Петр I учился мастерству корабельного плотника. В октябре 1773 г. он покинул Голландию и через 10 дней очутился в Париже. Здесь он встретил много знакомых в российской миссии, возобновилось и сотрудничество с французскими учеными по переводу русских авторов для издания во Франции. Кроме этого, наш усердный ученик продолжал слушать лекции по физике и медицине [2, 25-27].

В 1774 г. Каржавин женился на бедной девушке Шарлотте Рамбур, бывшей в обучении у модистки. Расходы в связи с этим увеличились, демидовское вознаграждение таяло на глазах, и, по выражению самого молодого парижские годы «были отравлены нуждой» [2, 25]. Каржавину даже пришлось делать помаду, чтобы оплачивать лекции.

В 1775 г., когда началась война за независимость в Америке, во Франции поднялось всеобщее возбуждение, приведшее к созданию многочисленных отрядов добровольцев. Сказались симпатии к новым идеям, традиционная для французов нелюбовь к Англии и то обстоятельство, что именно в это время был ограничен доступ в офицеры представителям третьего сословия.

В марте 1776 г. конгресс США послал за помощью во Францию своего представителя Саймона Дина. А когда осенью того же года пришло известие о принятии американцами «Декларации независимости», возбуждение достигло апогея, и на волне всеобщего энтузиазма Каржавин решает отправиться в Америку. Он всегда перед лицом официальных властей отрицал политическую подоплеку своего путешествия. Например, в подробной «сказке» (т.е. рапорте) в Коллегию иностранных дел Каржавин всячески подчеркивал коммерческий характер поездки [2, 29]. Ту же причину он указывал в письме к отцу: «Хотя я имел заведения там корреспонденции торгов американских, состоящем в сахарном песке, в хлопчатной бумаге и кофе, однако от глаз далеко и самому лучше побывать» [2, 28]. Но бумаги личного архива Каржавина дают право говорить и о явных симпатиях их хозяина к франко-американской стороне и о попытках личного участия если не в военных действиях, то в политической борьбе сторонников генерала Вашингтона.

В ноябре 1776 г. Каржавин прибыл на остров Мартиника в город Сен-Пьер. Здесь, чтобы добыть средства к существованию, он

некоторое время работал учителем [2, 28-29], а в апреле 1777 г. на зафрахтованном французском судне «Ля Жантий» с грузом вина, водки, патоки и соли отправился к американскому берегу.

Трижды едва избежав встречи с английскими кораблями, блокировавшими побережье, только на 26-й день пути Каржавин прибыл в порт Гэмптон в устье Джеймс-Ривер в Вирджинии. Через месяц после прибытия состоялась первая попытка русского путешественника поступить на американскую службу. 15 июня 1777 г. он послал представителю конгресса Дж. Хенкоку письмо с предложением услуг переводчика, так как прошли слухи о якобы уже свершившемся «русском десанте» в Америку [2, 32]. Распродав свои товары, через четыре месяца с грузом табака Каржавин отплыл обратно, но на этот раз ему не повезло: судно было захвачено англичанами и отконвоировано в Нью-Йорк, который находился под властью Великобритании до конца войны.

Каржавин не успокоился и предпринял безнадежные попытки вернуть утраченное. Два месяца он бродил по театру военных действий, переходя линию фронта и подвергая себя лишениям и опасностям. Затем начались годы странствий Каржавина. Он исколесил всю страну, пройдя от Северной Каролины до Бостона более тысячи километров. Спасаясь от английского десанта, весной 1779 г. даже жил у индейцев. Для того чтобы заработать на жизнь, был и аптекарем, и врачом, и преподавателем иностранных языков. Наконец, в апреле 1779 г. он поселился в столице Вирджинии Вильямсберге, где устроился приказчиком к французскому купцу [18, 133-134], одновременно ставя опыты (и довольно успешные) по разведению в Америке волжского табака [18, 139].

Здесь состоялось знакомство Каржавина с правительственными кругами этой страны. Он, вероятно, участвовал в формировании французского военного соединения из жителей Мартиники и Сан-Доминго, так как в Вильямсберге жил в доме инициатора этого предприятия капитана Лапорта. Есть версия, что американские власти хотели послать Каржавина официальным дипломатическим представителем в Россию [2, 30]. Трудно, в этом плане, не согласиться с исследователем каржавинского странствия А.И. Старцевым, который писал: «Каржавин был не только первым русским путешественником, посетившим США, но одним из первых европейцев, которые в этот ранний период истории Соеди-

ненных Штатов детально и глубоко изучили страну, ее природу, государственный и частный быт американцев» [18, 136].

В январе 1780 г. Каржавин вернулся на Мартинику. Остров, после объявления Францией войны на стороне колоний, превратился в крупную военно-морскую базу, и россиянину удалось устроиться на работу во французское адмиралтейство. Однако здешнего заработка явно не хватало для возвращения на родину, и Каржавин снова пустился в авантюру прибыльного бизнеса во время войны. На сей раз он в мае 1782 г. попытался прорваться к американскому берегу на испанском корабле, но вновь потерпел фиаско: судно было захвачено, сам «предприниматель» попал в плен. Его довольно быстро освободили – помог изготовленный Каржавиным поддельный паспорт на имя врача и капитана Ивана Баха.

После освобождения Каржавин попытался в Нью-Йорке перейти на американский берег Гудзона, но снова был задержан и выслан. Сначала он некоторое время жил на Сан-Доминго, затем обосновался на Кубе, занимаясь врачебной практикой и преподаванием иностранных языков.

Последнее, третье посещение США состоялось у Каржавина уже после окончания войны за независимость. В августе 1784 г. он отплыл из Гаваны в Нью-Йорк, затем через Филадельфию вернулся в знакомую Вирджинию, где вновь зарабатывал на хлеб врачеванием и преподаванием иностранных языков, потом устроился переводчиком во французское консульство [18, 135].

Все чаще он задумывался о возвращении на родину, чему мешало, естественно, отсутствие средств. Каржавин был вынужден обратиться в 1787 г. с письмом в российское посольство в Париже, сотрудники которого переслали его матери вынужденного изгнанника, Анне Исаевне (отец, В.Н. Каржавин, умер в 1786 г.). Последняя решительно отказала сыну, но затем под влиянием родственников, особенно зятя, профессора живописи Г.И. Козлова, она все-таки выслала из отцовского наследства необходимые 1200 ливров.

В апреле 1787 г. Каржавин отплыл из Вирджинии на Мартинику, а в ноябре того же года окончательно покинул эту часть света. В январе 1788 г. он был уже во Франции, разыскал жену, которая отказалась сразу присоединиться к мужу, так как боялась, что всегдашняя нищета, преследовавшая их семью, будет тяжелее переноситься в незнакомой стране.

Полгода в Париже Каржавин пытался

издать то, что было написано в 1773-1776 гг., прося вместо гонорара лишь 25 экземпляров своей будущей книги. Но эти усилия не увенчались успехом. В начале июня 1788 г. громадное трехмачтовое американское судно вышло из Гавра. На его борту находился Каржавин, так описавший это событие: «Он идет на Восток только за товарами. Это первый американец, который плывет в Петербург с момента независимости, и ежегодно он совершает это путешествие» [2, 32].

На родине странника, прошедшего вдали от нее в общей сложности 28 лет, ждали нищета и многолетняя тяжба по поводу наследства отца [2, 33-35]. Но нам рано расставаться с этим историческим персонажем. Его имя связано еще с одним мировым событием – Великой Французской революцией. Есть очень спорная гипотеза о том, что Каржавин бывал во Франции во время революционных событий в 1789-1790 гг. Во всяком случае, он пытался это сделать, свидетельством чему служат два его сообщения в «объявлении отъезжающих за границу» в «Санкт-Петербургских ведомостях» [2, 81] именно за эти годы.

Наши соотечественники действительно стали свидетелями революционных потрясений во Франции. С.Р. Долгова писала: «Агенты Екатерины доносили ей о русских, участвовавших в поднесении адресов Учредительному собранию. Среди депутатов «всей вселенной» на демонстрации 17 июня 1790 г. были и русские» [2, 50]. Но говорить об участии какого-либо значительного количества россиян в политических баталиях этого эпохального события все-таки не приходится. Мы знаем о близости к наиболее радикальным революционным кругам гр.П.А. Строганова. Он, по совету своего наставника, француза Жильбера Ромма, предпринял в 1786-1790 гг. путешествие за границу для завершения образования. После посещения Германии и Швейцарии они прибыли в Париж, вероятно, в декабре 1788 г., причем юный граф находился здесь инкогнито под псевдонимом гражданина Очера (так называлась река в Пермской губернии, где располагался завод Строгановых). Что это? Революционная конспирация? Скорее всего – нет. Просто главная цель Строганова была — получение знаний, а псевдоним – чтобы не общаться в высшем свете и не отвлекаться от занятий [19, 48-50].

Естественно, пройти мимо знаменательных событий, от которых сотрясалась вся Европа, молодой человек не мог, и Строганов с лета 1789 г. посещал заседания Генеральных штатов в Версале и интересовался

прессой и публицистикой [19, 51]. 7 августа 1790 г. он даже получил диплом члена Якобинского клуба [19, 50]. Но это, скорее, юношеский порыв под влиянием своего учителя Ромма, действительно целиком окунувшегося в политическую борьбу, после того, как его ученик по настоянию старого графа в августе 1790 г. покинул Париж [19, 55]. Так что якобинский диплом Строганова — скорее экспонат для коллекции заблуждений молодости, чем свидетельство революционного настроения аристократа-богача.

К наиболее радикальным поступкам россиян в годы Французской революции можно отнести вступление в ряды Национальной гвардии пенсионера Академии художеств архитектора Коммисарова [2, 50]. Были российские подданные и по другую сторону баррикады. Например, брат екатерининского фаворита гр.П.А. Зубова, Валириан, участвовал в 1792 г. волонтером в войне против Франции [7, т.2, 298].

Но чаще всего русские свидетели французских революционных событий оставались лишь сторонними очевидцами, как это очень точно охарактеризовал Н.М. Карамзин, бывший во Франции в 1790 г.: «Ни якобинцы, ни аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры, и не спорил...» [4, 130]. Вообще, активное участие во всех международных событиях и столкновениях от европейских революций до Англо-бурской войны – удел наших соотечественников в следующем, XIX столетии.

Судьба и случай заносили россиян в XVIII в. не только в близкую Европу, не только в далекую Америку, но и в не менее далекую Африку. Первопроходцами здесь были сбежавшие с Камчатки ссыльнопоселенцы. 27 апреля 1771 г. они устроили бунт в Большерецком остроге. Возглавлял бунтовщиков венгерский граф Мориц Бениовский (в документах встречаются транскрипции Беньовский и Бенновский). Он начинал служить в австрийской армии, потом стал полковником Барской конфедерации в Польше, в сражении против русских частей попал в плен, бежал, но снова был задержан и, в конце концов, сослан на Камчатку [1, 128].

12 мая 1771 г. восставшим (по разным данным их было от 70 до 110 человек) удалось захватить казенный гамот «Святой Петр» и началась их «одиссея» [1, 137-138]. В Японии они пробовали начать переговоры о своем поселении в этой стране, но эта попытка не увенчалась успехом, что вполне естественно при закрытом характере данного государства.

Высадка на Формозе (Тайвань) закончилась еще хуже: там мятежная команда оставила три трупа [1, 146]. В Макао всех ее членов вообще посадили в тюрьму, предварительно конфисковав их корабль. Затем мятежники разделились. 11 или 12 человек отправились вместе с Бениовским на Мадагаскар, где основали город Луисбург. Однако неумный характер предводителя бунтовщиков не дал ему умереть своей смертью: Бениовский перессорился с французскими властями острова и был в 1786 г. убит в стычке в возрасте 45 лет [1, 165].

Другая партия мятежников, обогнув Африку, стала первой группой русских, пересекшей экватор. До этого подобный вояж совершали только отдельные россияне-волонтеры, проходившие морскую практику на кораблях британского флота [1, 152]. Они добрались до Франции и в апреле 1773 г. устроили переполох в русской парижской миссии, так как восставшие покидали Камчатку с угрозой вернуться обратно с «иностранный поддержкой». Но, измученные дальними странствиями, мятежники уже не представляли опасности. Участники бунта, штурманский ученик Бочаров и канцелярист Судейкин подали в посольство подробное «Описание о походе и мореплавании». Советник российской миссии Н.К. Хотинский с уезжавшим в Россию Д.И. Фонвизиним передал депешу гр.Н.И. Панину, в которой писал, что «принял в покровительство» 16 мужчин и одну женщину, прося субсидию, так как «намеревался переправить их в отечество» [2, 26]. Родина встретила беглецов не ласково – их снова, якобы «добровольно», отправили на Камчатку [1, 159].

Примерно, в то же самое время появился в Африке сбежавший из России уроженец Нижнего Новгорода «Иван Степанов сын Сезиомов». Он поселился в Готтингтонской Голландии, женился и обзавелся тремя детьми [1, 359]. В конце века, в 1798 г. судьба занесла в Южную Африку Г.С. Лебедева, где он встретился с русским стажером Ю.Ф. Лисянским, у которого встреча оставила неприятное впечатление, так как будущий мореплаватель узнал, что его соотечественник, будучи певчим в посольском хоре в течение 1777-1785 гг., сбежал из-за долгов из Европы в Индию, где прожил 12 лет. Затем по тем же причинам он был вынужден перебраться на Африканский континент [1, 197-198]. Здесь, в Кейптауне, Лебедев прожил 10 месяцев, подрабатывая концертами, а затем вернулся на родину, где не был в общей сложности 24

года. Заграничные странствования преобразили простого русского паренька. «Выехал Лебедев из Петербурга певчим посольского хора. Приехал основателем русской индологии» [1, 212].

Да мало ли россиян, которые в давние времена побывали в Африке или даже осели там, но о которых до нас не дошло документов [17, 6].

Но вернемся в Европу. Надо затронуть еще одну очень интересную составляющую российского Зарубежья – длительное пребывание наших оккупационных войск в Восточной Пруссии, которая находилась под российской юрисдикцией с 1758 г. по 1762 г.

Здесь постепенно складывался специфический островок этого социально-культурного феномена со своим относительно постоянным и временным населением, церковью, русскими студентами местного университета, супружескими парами, повседневным бытом и даже со своими любовными драмами. Подданные русской короны здесь подолгу жили, строили мосты, решали сложные и нехитрые проблемы с местным населением, к ним приезжали погостить родные из России. Например, когда (тогда еще подполковника, а в будущем генералиссимуса) А.В. Суворова ранило в боях с прусскими войсками, он получил отпуск, который провел не на родине, а у своего отца, генерал-аншефа В.И. Суворова, являвшегося в 1761 г. губернатором Восточной Пруссии. У него в это время гостили дочери Анна и Мария. Вот и провел отпуск будущий великий полководец с близкими в Королевском замке Кенигсберга [5, 56].

Между тем одностороннего акта присоединения новой провинции, который совершила Россия, было явно недостаточно с международной точки зрения. Такое присоединение требовалось закрепить договорами с другими государствами. Россия вступила по этому поводу в переговоры с союзниками, но они затянулись, а с кончиной императрицы Елизаветы Петровны прекратились вовсе [5, 40]. Сменивший ее на троне Петр III уже в первом трактате от 5 мая 1762 г. безоговорочно отдал Фридриху II все территории, прежде занятые русскими. Начался тяжелый процесс вывода российских частей из Восточной Пруссии. Положение мало изменилось и после дворцового переворота 9 июня 1762 г., когда на престол взошла Екатерина II. Прусские власти буквально «выдавливали» русские части, заставляя их в поспешности оставлять снаряжение и продовольствие. Например, надо было распродать армейские запасы

хлеба, но прусские оппоненты давали слишком низкую цену, ссылаясь на якобы плохое качество хлеба. Даже «через документ» чувствуется, что действовали они с позиции силы – все равно, мол, не вывезут, хлеб в любом случае останется здесь, поэтому и можно ставить условия [5, 69]. Отметим, что спустя 230 лет германские власти с немецкой педантичностью повторяют аналогичную процедуру с выходящей с ее территории российской армией.

Так и покидали русские войска землю Восточной Пруссии, оплатившей, мягко говоря, «невежливостью» за 4-летнее излишне либеральное правление в ней российской короны. Но русские солдаты и офицеры уносили с собой не только горечь растоптанных побед, они, вернувшись домой, выполняли очень важную информационно-познавательную функцию, делясь со своими соотечественниками личным опытом европейской жизни.

Случай и судьба выносили за границу империи представителей еще одной категории населения России – крепостных крестьян, которые в своем беге от помещиков довольно часто оказывались в положении эмигрантов.

Мы выборочно рассмотрели материалы 50 допросов задержанных беглецов, отложившихся в фондах уездных воеводских и провинциальных канцелярий. Проведенный анализ позволяет сделать ряд ориентировочных выводов. Бежали за границу и мужчины, и женщины, но последних, по естественным причинам, было, судя по анализируемым фактам, в четыре раза меньше. Обычно это были одиночные крестьяне, только в шести случаях побега пределы России покидали семьями. Возраст беглецов был различным, но заметно преобладали крепостные самого трудоспособного возраста, от 25 до 45 лет, которым, вероятно, было легче адаптироваться в новой стране пребывания. Время, проведенное в эмиграции, также различно – от 4 месяцев до 45 лет, но в подавляющем большинстве случаев фигурирует срок от 2 до 5 лет. Это, видимо, объясняется трудностями адаптации и действиями на территории Польши (именно туда бежали все без исключения допрашиваемые) русских воинских команд по поимке беглецов, усилившихся после манифеста 1762 г.

Все, без исключения, допрашиваемые отмечали крайние трудности своего существования за границей. Большая часть работала за мизерную заработную плату (от 1,5 до 3 рублей в год) у крупных землевладельцев;

значительная часть – у зажиточных крестьян; несколько меньше добывали пропитание поденными работами (рубка дров, распиливание досок и т.п.). Многих судьба заставляла «кормится мирским подаванием» [9], а некоторых толкала и к воровству и разбоям [10].

Материалы допросов показывают, что манифест 1762 г., дававший прощение всем российским беглецам, серьезно повлиял на реэмиграцию крепостных крестьян. Вот типичный случай по этому поводу. Крепостной Кондрат Пахомов (Бельский уезд, помещик Д.А. Ефимов) бежал с семьей еще в начале 40-х гг. XVIII в. в Польшу, где работал у пана Чарторыжского. Но в 1765 г., «незахотя более там жить и прослыша про высылку из-за рубежа российских беглых разного звания... вышел сам собою» [11]. Но если суммировать показания фигурантов допросов, то мы увидим, что, несмотря на дарованное беглецам прощение, поток эмиграции крепостных не уменьшился.

Самый большой интерес при анализе данных материалов представляет вопрос о мотивации крестьян к побегу. На первом месте в этом плане стоит уклонение от рекрутских наборов, на втором – физические издевательства помещиков. Здесь постоянно мелькает фамилия душевладельца Бельского уезда В.И. Березовского – все бежавшие от него указывали именно эту причину [12].

На третьем месте стоят непомерные поборы помещиков, или как говорили сами беглецы, указывая причину бегства, «от тягости в помещичьих пригонах» [13]. И только трое из допрашиваемых основным мотивом своего ухода назвали то, что они пришли «в крайнюю скудость и пошли кормиться в другие места» [14]. Таким образом, можно сделать вывод, что описанные случаи не являются даже прототипом экономической эмиграции, факторы которой еще не сложились ни в юридической плане, так как именно XVIII в. стал периодом расцвета крепостного права, ни в экономическом плане, потому что мы не наблюдаем массового ухода в поисках лучшей доли за границу черносошных крестьян. Лишь в 80-е гг. следующего, XIX столетия, крестьяне, проживающие на территории Российской империи, обретая свободу как от крепостной неволи, так, во множестве случаев, и от земли, миллионным эмиграционным потоком устремятся на Запад.

Кроме того, эмиграция беглых крепостных была чаще всего неосознанной – случай прокладывал маршрут беглеца через границу. Все без исключения крепостные из опи-

санных нами случаев сначала просто убегали от своих помещиков, и только не найдя возможности как-то закрепиться в западных уездах России, в поисках работы и пропитания переходили на территорию Польши. Здесь мы имеем дело, скорее всего, со своеобразным видом крепостной эмиграции, близкой по своей сущности к сословно-политической разновидности оставления родины. Но хотя она была спонтанной и случайной, ее масштабы достигали значительных размеров: по данным Военной коллегии, только за октябрь 1765 г. российские воинские части вывели с территории Польши 10198 беглых крепостных [15].

Куда только не заводили судьба и случай подданных Российской империи в XVIII в. Некоторые маршруты их вынужденных путешествий могли бы стать сюжетом интереснейшего приключенческого романа. Чего, например, стоит странствование русского сержанта Филиппа Ефремова. Он в 1774 г. попал под Оренбургом в плен к пугачевцам, от которых Ефремову удалось сбежать. Но его снова пленили, на сей раз киргизы, продавшие русского пленника местному чиновнику. Тот пытал несчастного, склоняя его к переходу в ислам. Три раза Ефремов подвергался страшному истязанию: ему в рот вливали огромное количество соленой воды. Подвергшийся такой пытке человек умирал в течение суток. Но целью алатыка, владевшего жизнью сержанта, была не его смерть, а получение в свое распоряжение прекрасно обученного и храброго воина. Поэтому Ефремова при помощи специальной каши из овечьего сала и пшена три раза возвращали к жизни и вновь подвергали страшным мучениям. В конце концов, его удалось склонить к присяге алатыку, но веру свою мужественный пленник не оставил.

Повоевав в Хиве и заработав расположение своего хозяина, Ефремов, подделав посольскую грамоту, бежал через Тибет в Индию, где вновь был арестован английским комендантом. Только назвавшись родственником графа Чернышева, ему удалось освободиться из плена и добраться до Лондона, а оттуда, после почти десятилетнего странствия, изобиловавшего опасностями и невзгодами, вернуться в Петербург [3, 19-28].

Еще более поразительно сложилась судьба нижегородского купца 2-ой гильдии Василия Баранщикова. В 1780 г. он стал жертвой датских работорговцев, которые отправили его солдатом-невольником на остров Св. Фомы. Затем он оказался в еще более жал-

кой участи раба на плантациях Пуэрто-Рико. Но здесь ему впервые улыбнулось счастье: его полюбила жена губернатора острова. Она выкупила невольника и помогла ему отправиться в Европу. Но на этом приключения русского купца не закончились: корабль, на котором он возвращался, был захвачен алжирскими пиратами, и эмигранта поневоле вновь ждал рабский удел, на сей раз в Хайфе. Оттуда Баранщикову удалось бежать на греческом судне в Константинополь. Здесь, чтобы сохранить жизнь, ему пришлось принять ислам и даже поступить на службу янычаром. Наконец, удача улыбнулась изгнаннику – он дезертировал и в 1787 г. вернулся на родину [6].

Вот такими, хотя и одиночными, но очень яркими красками судьба и случай раскрашивали палитру российского Зарубежья XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Облик далекой страны. М., 1975.
2. Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. М., 1984.
3. Ефремов Ф. Десятилетнее странствие. М., 1952.
4. Из «Писем русского путешественника Н.М. Карамзина» // Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб., 1914.
5. Кретицин Г.В. Под российской короной, или русские в Кенигсберге. 1758-1762. Калининград, 1996.
6. Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 годы. СПб., 1787.
7. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1-2, 1994-1996.
8. Петров В.П. Русские в истории Америки. Вашингтон, 1988.
9. РГАДА. Ф.239. Оп.1. №23628. Л. 2-3.
10. РГАДА. Ф. 466. Оп.1. №1362. Л.3; там же. Ф. 469. Оп.1. №69. Л.1 и ор.
11. РГАДА. Ф.461. Оп.1. №2778, Л.3.
12. РГАДА. Ф. 461. Оп.1. №2224. Л.1; там же. №2453, Л.3 и др.
13. РГАДА. Ф.461. Оп.1. №1896. Л.2.
14. РГИА. Ф.1088. Оп.20. №681. Л.1.
15. РРГВИА. Ф.19. Оп.4. Л.50.
16. Рейтман М. Знаменитые эмигранты из России. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США. Ростов-н/Д., 1999.
17. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII-1960 г. Т.1. М., 1999.
18. Старцев А.И. Ф.В. Каржавин и его американские путешествия // история СССР. 1966, №3.
19. Чудинов А.В. Ж.Ромм и П. Строганов в революционном Париже // Россия и Франция. XVIII-XXвв. КН.2. М., 1998.

K. Mazin

RUSSIANS ABROAD IN XVIII CENTURY: THE CASE AND DESTINY

Abstract. The article is focused on the origin of a very peculiar social and cultural phenomenon of the 18th century – Russian emigrants abroad. The author examines facts of non-motivated sojourn over a long period of

time which was connected with education, visiting health resorts, journeys and cases when Russian people found themselves abroad by vicissitude of fate.

Key words: Russian empire, emigration, Russian emigrants abroad, East Prussia, North America, Africa.

УДК 008 (470.621)

Раздольский С.А.**ТРАНСФОРМАЦИЯ АДЫГСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVI - XX вв.***

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации адыгской культуры в XVI - XX вв. Показано, как в результате обмена материальными и духовными ценностями, под влиянием синтеза культур различных цивилизаций адыгская культура подвергалась трансформации. Несмотря на эти глубинные процессы, ей удалось сформировать устойчивую периферию культурного ядра, выразившуюся в институтах, компонентах, элементах культуры, которые оказывали и оказывают влияние на ценностную ориентацию адыгского этноса в условиях глобализации.

Ключевые слова: трансформация адыгской культуры, духовные ценности, синтез культур, периферия культурного ядра.

Исследованию различных аспектов северокавказского общества посвящены работы В.А. Тишкова, Л.М. Дробижеева, С.П. Полякова, А.Ю. Шадже, Э.А. Шеуджен, Р.А. Ханаху, Ф.С. Эфендиева и других.

Проследить трансформацию адыгской культуры в XVI - XVIII веках нам позволяют культурные контакты адыгского этноса с носителями культуры соседних культур, цивилизаций.

Рассматривая проблему общекавказского культурного пространства (цивилизации, субцивилизации), мы должны иметь в виду высказанную в этнографической и культурологической литературе точку зрения о том, что две и несколько соседних культур в процессе естественно-неосознанного подражания или же на вполне осознанной рациональной основе воспринимают друг от друга некоторые элементы, приводят их в соответствие с

собственными потребностями. Общая судьба, история, схожие условия существования (в том числе природно-ландшафтные), могут обусловить образование общих черт. Так создаётся определённая общая «тональность», общий «акцент» культур одного региона, в данном случае — одной историко-этнографической области.

Северокавказский регион был заселён народами, которые в этническом отношении делились на группы. По правобережью кочевали ногайцы, делившиеся на наврузовцев, касаевцев, караногоев. На левобережной Кубани жили западные адыги. В их состав входили абадзехи, темиргоевцы, шапсуги, хатукоевцы, бжедуги, бесленеевцы и др.

Ногайцы были представителями кочевой культуры. Об этом, в частности, свидетельствовал французский консул в Крыму М. Пейсонель: «Ногайцы - народ кочевой, они не имеют ни городов, ни сел, живут в войлочных кибитках, которые перевозят на телегах» [1].

В отличие от ногайцев, черкесы упорно отстаивали свою политическую и религиозную самобытность. Потребовалось целых два столетия, чтобы окончательно сломить их противодействие мусульманству.

Захват Приазовья турками в 1475-1479 гг. открыл им путь на Северо-Западный Кавказ. Орудием его завоевания стали татары.

Установка мусульманской культуры вступала в противоречие с культурой адыгов. Новая религия распространялась медленно и с трудом. Первыми, кто воспринял её, были адыгские дворяне.

Факты свидетельствуют о том, что западные адыги с оружием в руках отстаивали свою независимость в борьбе с турками и тата-

* © Раздольский С.А.